

Спец(труд)поселки как населенные пункты в 1930-е годы (на материалах Республики Коми)

Н. М. Игнатова

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
ignatova11@rambler.ru

Аннотация

В 1930/31 г. в Коми автономной области были организованы спецпоселки (в 1933 г. переименованы в трудпоселки) для спецпереселенцев-«бывших кулаков» (в 1933 г. переименованы в трудпереселенцев), высланных в принудительном порядке с мест постоянного проживания из районов сплошной коллективизации. Трудоспособные спецпереселенцы и члены их семей были переданы тресту «Комилес» для работы на лесозаготовках. В лесозаготовительных районах области организовано более 40 спецпоселков в труднодоступных местах, изолированных от местных населенных пунктов. Проблемы, связанные с отсутствием дорог, удаленность от районных центров, недостаточное снабжение, организация поселков в болотистых местностях привели к ликвидации отдельных спец(труд)поселков и сокращению их общего числа к концу 1930-х гг. Несмотря на низкий уровень строительства жилых помещений, спец(труд)переселенцы также строили здания для социально-культурных учреждений, школ, больниц, клубов и других, что позволило создать внутреннюю инфраструктуру поселков.

Ключевые слова :

спецпереселенцы, трудпереселенцы, спецпоселки, трудпоселки, раскулачивание, лесозаготовки, населенные пункты

В 1930-е гг. в Коми автономной области (далее – Коми АССР) возникла сеть спецпоселений – поселки для проживания спецпереселенцев. К спецпоселениям относили спецпоселки (далее – сп), организованные в 1930/31 г. В 1933 г. происходит переименование спецпоселков в трудпоселки, размещенных в них спецпереселенцев-«бывших кулаков» стали именовать трудпереселенцами. Спецпереселенцев, размещенных в спец(труд)поселках, в рамках репрессивных мер в массовом порядке высылали с мест постоянного проживания по решению административных органов (не судебных) без предъявления обвинения в отдаленные районы страны. Спецпереселенцев высылали семьями, их лишали избирательного права и права свободного передвижения. В регионах, куда спецпереселенцы были высланы, в том числе в Коми АССР, их относили

Special (labor) settlements as populated areas in the 1930s (based on materials of the Komi Republic)

N. M. Ignatova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
ignatova11@rambler.ru

Abstract

In 1930-1931 in the Komi Autonomous Region, special settlements were organized for special settlers – “former kulaks” who were forcibly expelled from their places of permanent residence from areas of complete collectivization. Able-bodied forced migrants and members of their families were transferred to the Komiles Trust to work in logging. In the logging areas of the region, more than 40 special settlements were organized in hard-to-reach places, isolated from local settlements. Problems associated with the lack of roads, remoteness from regional centers, insufficient supplies, and the organization of settlements in swampy areas led to the liquidation of individual special (labor) settlements and a reduction in their total number by the end of the 1930s. Despite the low level of residential premises construction, forced migrants also built buildings for socio-cultural institutions, schools, hospitals, clubs and others, which made it possible to create the internal infrastructure of the settlements.

Keywords :

special settlers, labor settlers, special settlements, labor settlements, dispossession, logging, populated areas

к постоянному населению и учитывали наряду с местным населением при переписных мероприятиях.

Из современных работ общероссийского уровня по изучению системы расселения в XX в. необходимо отметить исследование Л. Н. Мазур и Л. И. Бродской на материалах Среднего Урала в XX в., в котором представлен комплексный анализ системы сельского расселения в условиях становления индустриального общества и урбанизации. Помимо сельских поселений авторы исследуют горно-заводские и лесопромышленные поселения (лесозаготовительные спецпоселки) [1]. Большое внимание спецпоселкам как промышленным населенным пунктам уделяет И. В. Зыкин в монографии, посвященной работникам лесопромышленного комплекса в 1930-е гг. [2].

Источниками для изучения расселения спецпереселенцев в Коми АССР служат материалы треста «Комилес», Комиоблисполкома, Коми областного комитета ВКП(б), Госземтреста, хранящиеся в Национальном архиве Республики Коми (далее – НА РК).

Первыми массовыми административными принудительными переселениями с ограничением прав граждан стали спецпереселения в ходе раскулачивания во время коллективизации. В 1930/31 г. было выселено из районов сплошной коллективизации с отправкой в отдаленные и малонаселенные районы страны 381 026 семей «бывших кулаков», общей численностью 1 803 392 чел. Большинство раскулаченных выселяли с мест постоянного проживания на спецпоселения и определяли как спецпереселенцев (выселенных в административном порядке), меньшую часть составляли ссыльные (отправленные в ссылку на сроки) и административноссыльные (отправленные в ссылку навечно) [3]. Спецпереселенцев из районов Поволжья, Центральной Черноземной области, Украины, Северного Кавказа и Средней Азии высылали на Север, Урал, в Сибирь, Казахстан. Расселение проводили на Дальнем Востоке, в Ленинградской области, Нижегородском и Северокавказском краях, в Средней Азии. Основную часть переселяемых направляли в малонаселенные регионы. Всего в 1930–1932 гг. в СССР существовало 22 спецпоселенческих региона [4].

В документах высших органов власти в начале 1930 г. указывалось: «В связи с массовой коллективизацией и социалистической переделкой мелких и мельчайших крестьянских хозяйств и решительной политикой ликвидации кулачества, как класса, в высших органах разрабатывается проект расселения кулацкого элемента деревни преимущественно в северных частях Союза с возможностью для этого элемента заниматься полезным трудом. Переселение намечается в принудительном порядке» [5]. Целью массового принудительного переселения в северные регионы была заготовка леса: «В мероприятиях по выполнению решения ЦК ВКП(б) о 65 млн. куб. древесины одной из важнейших должно составить вовлечение новых крупнейших лесных массивов края. Больше 50 % лесных запасов Северного края находится на территории Коми области. Коми область самая малозаселенная по сравнению со всеми округами» [6].

Государственная политика спецпереселения подразумевала закрепление спецпереселенцев с семьями на территориях, куда они были высланы, и создание спецпоселений в виде структур, способных обеспечить жизнедеятельность и высокую производительность труда спецпереселенцев. Главное, ради чего спецпереселенцев заселяли в Коми регион – это развитие лесозаготовительной промышленности и в итоге индустриальное освоение малозаселенного района. Спецпереселения были спланированными операциями. Местные власти были обязаны подготовить к заселению спецпереселенцев жилые площади и запасы продовольствия. Но подготовительные работы, как правило, оставались на бумаге. Вследствие этого, условия жизни на спецпоселениях складывались

крайне неблагоприятные. Одна из причин – огромные масштабы переселений в крайне сжатые сроки.

К началу мая 1930 г. в Северный край было выселено 46 562 семьи в количестве 230 065 чел. [7, с. 233, 234]. Постановлением коллегии Наркомзема РСФСР «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации» от 1 апреля 1930 г. определялось, что для расселения кулаков необходимо создавать поселки в количестве от 20 до 100 семей. Одним из требований было расположение поселков по возможности дальше от железнодорожных, водных и шоссейных путей. Места для поселения определяла комиссия в составе представителей земорганов, ОГПУ, административных управлений Облисполкомов. На местах вводили особый режим проживания. Управление поселками возлагалось на комендатуры НКВД [8]. В производственном отношении спецпереселенцы подчинялись начальникам лесопунктов. Представителями от райисполкомов в начале 1930-х гг. в спецпоселках были завхозы. Несмотря на тщательную регламентацию вопроса заселения спецпереселенцев, на практике вся работа по их устройству проводилась стихийно. В первую очередь это показала доставка спецпереселенцев к местам проживания.

В Коми автономную область спецпереселение в 1930-е гг. происходило в два этапа, в 1930 и 1931 гг., всего за два года численность спецпереселенцев достигла около 41 тыс. чел. Раскулаченных с железнодорожных станций доставляли в Сыктывкар на подводах или баржах, из Сыктывкара развозили на баржах по рекам, пешим этапом и на телегах по суше до райцентров. Затем их временно размещали в селах и деревнях, близлежащих к будущим местам заселения, либо сразу направляли на место будущих спецпоселков – в лес. В лучшем случае на месте которых имелись ветхие бараки сезонников-лесозаготовителей, но, как правило, «новую жизнь» приходилось начинать с нуля. Первое время спецпереселенцы жили в палатках, шалашах и землянках и лишь потом их перемещали в построенные ими же бараки.

К месту сп. Ичет-ди около 1500 чел. спецпереселенцев из Воронежской области везли до Котласа в вагонах для скота, по пять-шесть семей в вагоне, потом погрузили на баржу и по р. Вычегде довели до с. Помоздино. Оттуда до Троицко-Печорска 1.5 км шли пешком по лесной дороге. На подводах везли вещи и маленьких детей. В Троицко-Печорск прибыли поздней осенью и пароходы по Печоре уже не ходили, для доставки людей использовали лодки местных жителей, плыли вниз по Печоре до пос. Ичет-ди. Высланные жили первые два года в землянках на берегу руч. Мича-шор, на котором впоследствии была построена мельница [9]. В сп. Новый Бор, определенный под заселение в Усть-Цилемском районе, спецпереселенцы, выселенные из Архангельской области летом 1931 г., добирались морским путем, по Белому морю из г. Архангельска до Нарьян-Мара паромом, затем от Нарьян-Мара на баржах по р. Печоре до Нового Бора [10].

Тяжелая дорога для семей с детьми и престарелыми занимала долгое время, в большинстве случаев около ме-

сяца и более. Смертность спецпереселенцев в пути была высокой, но не фиксировалась, статистические данные на сегодняшний день по потерям в период доставки отсутствуют. По мнению исследователя В. Н. Земскова, убыль при транспортировке составила около 200 тыс. чел. из общего числа (1.8 млн чел.) [11].

В 1930 г. в Коми область было вселено около 17 тыс. чел. и организовано 23 спецпоселка, которые 4 мая 1931 г. официально были переданы Коми Областным земельным управлением тресту «Комилес» вместе «со всем находящимся в них живым и мертвым инвентарем» и постройками. Как видно из данных табл. 1, из 23 поселков в производственном плане было определено шесть как сельскохозяйственных и 17 как лесопромышленных.

Таблица 1

Спецпоселки в Коми автономной области в 1930 году

Table 1

Special settlements in the Komi Autonomous Region in 1930

№	Район/ хозяйственное направление	Спецпоселок	Человек
Сельскохозяйственные			
1	Прилузский	Чес-Ель (№ 31)	548
2		Усть-Вель (№ 3)	752
3		Вельдорью (№ 0)	483
4		Сорель (№ 6)	430
5		Немецкий (№ 8)	
6	Визингский	Ниагор	1586
Всего			4441
Лесопромышленные			
7	Визингский	Яр (Видзью)	741
8		Воквад (Вад)	1843
9	Сыктывдинский	Вор-ю (Ибский)	495
10		Расью (Маджа)	565
11		Соль	337
12		Мес-ель (Емельстан)	314
13		Боровой (Нившера)	619
14	Сторожевский	Одью	392
15	Усть-Вымский	Мещура	307
16		Усть-Коин	309
17		Ветью	368
18	Усть-Куломский	Вежаю	640
19		Окос	771
20		Крутобор	692
21		Лопью-Вад	579
22		Чуд	352
23		Ындын	742
Всего			13229
Итого			17670

Источник: [12].

Sources: [12].

При строительстве спецпоселков должен был соблюден комплекс условий. В частности, в инструкции Беломорско-Балтийского комбината ОГПУ по выбору мест для переселенческих поселков комбината указывалось, что при выборе места для поселка необходимо учитывать не только наличие сельскохозяйственных угодий, но и близость водоснабжения и путей сообщения. Однако главное

требование заключалось в наличии запасов древесины в «ближайших районах, обеспечивающих работу переселенцев на ближайшие 8–10 лет», размер поселка устанавливали в среднем в 250 семей [13]. Аналогичные требования учитывали при организации поселков и в Коми автономной области.

Строительство спецпоселков шло трудно и медленно. К осени 1930 г. в Северном крае, в состав которого входила Коми область, было построено только 66 постоянных жилищ из 4071 запланированных, а требовалось около 6 тыс. План строительства для спецпереселенцев в крае был выполнен на 1.4 %, потребность в жилье удовлетворена на 1 % [14]. Одна из причин медленных темпов строительства состояла в нехватке рабочих рук, обуви и спецодежды. Трест «Комилес» издавал приказы, по которым директора ЛПХ-ов должны были переключать спецпереселенцев с лесозаготовок на строительство спецпоселков для того, чтобы срочно до зимы закончить строительство жилья. Предполагавшаяся застройка спецпоселков типовыми домами была переориентирована на строительство по барачной системе [15]. К ноябрю по Коми области было построено 268 жилых домов (бараков) из 700 требуемых [16].

Для развития лесозаготовительной промышленности имеющиеся трудоспособные спецпереселенцы не покрывали потребности в рабочей силе, поэтому в 1931 г. были дополнительно переселены в Коми область более 4 тыс. семей спецпереселенцев-«бывших кулаков». В сентябре 1931 г. в тресте «Комилес» числилось с членами семей 38 420 чел. [17].

В 1931 г. было проведено обследование мест к заселению. В апреле 1931 г. заключен договор между Коми областным филиалом Государственного треста по организации территорий и подготовке земельных фондов (далее – Госземтрест) и лесопромышленным трестом «Комилес» о проведении детального обследования мест, предназначенных к заселению спецпереселенцами, по которому Госземтрест должен был представить акты обследования местностей [18]. В результате проведенной работы Госземтрест должен был сдать «Комилесу» следующие материалы: карты ЛПХ-ов, схемы распланировки поселков, схематические чертежи мест, подвергнутых детальному обследованию, а также почвенную и гидрологическую карты. После проведенных работ возник ряд документов – акты обследования местностей, предназначенных для постройки спецпоселков. В данные акты входило описание участка с географической точки зрения, описание почв, растительности, путей сообщения, распределение земли по угодьям, нормы наделения спецпереселенцев земельными участками и лесоматериалами: в тех случаях, когда поселок уже существовал, указывались главные и второстепенные занятия спецпереселенцев, необходимые мероприятия по устройству поселка; в обоих случаях прилагались план поселка и карта лесозащиты [19].

В подавляющем большинстве обследования проводили уже в организованных в 1930 г. спецпоселках, в которые предполагалось допереселение. Кроме того, обследования осуществляли осенью и зимой, а не летом, что необходимо было по договору. Так, в спецпоселках Зинстан

и вынужден обследования проводили в декабре. В зимних условиях провести тщательное обследование, например почв, было невозможно, поэтому вышеупомянутые акты обследований, как указывал один из работников Госземтреста, были неточными до 40 % [20]. Поселки были организованы в неблагоприятных местах относительно как путей сообщения, так и природных условий. Кроме того, не учитывались природные и географические условия для ведения сельского хозяйства, часто в спецпоселках, организованных среди болот, не хватало лесоматериалов для строительства домов. В заключении обследований многих спецпоселков комиссия сделала вывод об их непригодности к заселению. Например, при обследовании переселенческого участка под сп. Тимшер указывалось, что почва непригодна для ведения сельскохозяйственных работ, а удаленность водоемов непосредственно от поселка не будет способствовать его благоприятному развитию [21].

В актах обследования территорий для лесозаготовительных спецпоселков разяснялись «задачи колонизации». Отмечалось, что «основным направлением хозяйств спецпоселка нужно считать лесоразработки и подсобными – сельское хозяйство с животноводческим уклоном, охота, рыболовство». Указывалось также, что сырьевой запас леса для заготовок должен быть предусмотрен на 10–15 лет интенсивных работ [22].

При организации поселков не учитывались сложности с доставкой продовольствия и необходимых товаров. Следуя требованию размещения спецпоселков в удалении от железнодорожных, водных и шоссейных путей, ближайшие населенные пункты находились от них не ближе 30 км. Сообщение с населенными пунктами и райцентром осуществлялось по воде. Сухопутные пути, как правило, отсутствовали. Например, дорога до ближайшего населенного пункта от сп. Крутобор шла лесной тропой, которая была «совершенно неустроенна на всем протяжении 39 км», до райцентра дорога включала путь по четырем рекам длиной в 250 км [23]. В отчете обследования состояния строительства пос. Пивью отмечено следующее: «Подбор места под поселок произведен совершенно неправильно, без всякого основания. Продукты в поселок забрасываются с переборами, доставка идет через 4 населенных пункта и 4 реки. Летом реки мельчают, и передвижение лодок очень затруднено. Из промышленных товаров в поселке (на время обследования, сентябрь 1931 г. – Н.И.) имеются только лапти» [24].

Ориентация на «производственные требования будущих поселков», а не на условия проживания, привела к необходимости закрытия отдельных поселков уже через год из-за невозможности проживания. В августе 1931 г. встал вопрос о переносе спецпоселков Окос и Крутобор. В частности, по сп. Окос в заключении специальной комиссии указывалось: «В 7 км от поселка находится болото Руба-Кум, площадью больше 1000 га, в дождливое время сплошь покрыто водой. Окружение болотами создает замкнутость по дальнейшему устройству и по угожьям. Отдаленность сухих путей создает трудность в снабжении» [25]. В тресте «Комилес» инженер по хозосвоению отдела спецпереселения дал следующее заключение: «Спецпоселки нужно рассматривать как рабочие поселки лесной

промышленности. Вопрос о целесообразности оставления поселков должен быть решен вне зависимости от сельхоз возможностей, а от потребности в рабочей силе данного микрорайона. Расходы на дорожное строительство не могут служить основанием к ликвидации поселка» [26]. Несмотря на данные заключения, сп. Окос продолжал функционировать.

Строительство спецпоселков должно было производиться по типовым проектам, составленным «Комилесом» и утвержденными областными органами управления строительного контроля. Нормы жилой площади в 1931 г. должны были быть доведены до 4 кв.м на одного человека. В 1931 г. требовалось построить 130 жилых домов площадью 10 786 кв. м [27]. В НА РК в фонде треста «Комилеса» хранится ряд документов, включающих проекты и сметы на строительство в спецпоселках, относящиеся к 1931–1935 гг. [28]. Были утверждены проекты как жилых, так и административных зданий. Первые предусматривались нескольких типов: жилой дом 4-квартирный, 12-комнатный жилой дом, основным типовым проектом был проект жилого дома-барака на восемь семейств [29]. Под квартирами понимались комнаты. Одна комната на семью, при жилой площади на одного человека – 3–4 кв. м [30]. В вышеупомянутых документах также имеются проекты больниц различных типов : на 4, 6, 8, 10, 16, 20 коек. Разрабатывались проекты строительства барачков для заразных больных на 510 коек [31], а также школ, столовых, хлебопекарен, ларьков, овощехранилищ, ледников для хранения продуктов, бань, дезокамер, пожарных депо, скотных дворов, столярных мастерских, кузниц и даже чертежных столов. Школы проектировались, как правило, двух типов – пятилетки и начальные двухкомплектные школы. К проектам прилагались сметы на строительство того или иного типа. В реальности в 1930-е гг. эти проекты оставались только на бумаге. Первыми построенными зданиями в спецпоселках были бараки, бани, магазины и здания почты. Под какие-либо другие нужды выделялись помещения в бараках.

По итогам 1932 г. всего по Коми области на 8090 семей спецпереселенцев (около 40 тыс. чел.), проживающих в 45 спецпоселках, было построено 499 домов жилой площадью 97 075 кв. м, по плану должно было быть возведено 669 домов общей площадью 103 505 кв. м. В конце 1932 г. строилось 149 домов. Помимо жилых домов в спецпоселках на 1932 г. возвели : бани-дезокамеры – 34, магазины (ларьки) – 31, почтовые агентства –27, школы –7, красные уголки – 5, медпункты – 2, столовые – 2, клуб – 1, больницы – 0 [32].

Строившиеся бараки не соответствовали санитарно-гигиеническим и техническим нормам, они представляли большие сараи, внутри которых располагались сплошные нары в два-три яруса, окна почти все забивали наглухо для сохранения тепла. Бараки, строившиеся наспех из сырого леса, были продуваемые и холодные. Типичная для первого года переселения спецпереселенцев ситуация отмечена в пос. Зинстан, организованном в июне 1931 г., через полгода после заселения: «Дома строятся по казарменному типу с жилой площадью 300 кв. м. вмеща-

ющих 100 человек (по 3 кв. м на 1 человека). Жилищные условия крайне плохие. По берегу р. Пруп стоит около 200 землянок. В каждой из которых проживает до 10 человек и больше. На зиму эти землянки совершенно не пригодны, а меры по строительству домов не принимались. В новых бараках переселенцы не живут, т. к. они не закончены. А живут все на расстоянии 3 км от поселка» [33]. С середины 1930-х гг. по мере строительства новых бараков в некоторых поселках был произведен «переход на комнатную систему». В одной комнатке жили по две-три семьи, семь-десять человек примерно на 18–24 кв. м. Средняя жилая площадь на одного человека в спецпоселках республики составляла от 1 до 2,5 кв. м [34].

Одна из важных причин отставания в строительстве заключалась в плохой организации руководства на местах. Как указывалось в документах, не во всех поселках сразу были выделены коменданты, а также уполномоченные по строительству от райкомов и райисполкомов и десятники-строители от ЛПХ, которые должны были работать в спецпоселках [35].

В марте 1932 г. Коми Обком ВКП(б) ставил задачу «форсировать строительство в спецпоселках и закончить его не позднее 1 сентября», но к 1933 г. план строительства не был выполнен [36]. Отмечалось несколько причин плохого «освоения» спецпереселенцев и медленных темпов строительства. Главным занятием спецпереселенцев была лесозаготовка, поэтому с начала заселения часть из них работала в лесу, а на строительстве поселков оставалось несколько бригад. Кроме того, ощущалась острая нехватка строительных инструментов и строевого леса. Официальными причинами невыполнения плана по строительству «Комилес» назвал отсутствие строевого леса, а также «недостаточный отпуск продлимитов на строительство». На работающих на строительстве спецпереселенцев было выделено 27,6 т муки, 2,8 т крупы и 36 т овса, что составляло лишь 29 % от необходимого количества [37]. В поселки отпускались продукты по фондам лесозаготовителей, работающие на строительстве поселков зачастую продуктами питания не обеспечивались вовсе. Например, в Локчимских участках 5370 спецпереселенцев питались продуктами, завезенными на 3020 чел. [38].

На заседании Президиума Северного краевого комитета ВКП (б) «О хозустройстве спецпереселенцев» 22 июня 1933 г. было констатировано, что хозорганизациями, «особенно низовыми» – ЛПХ, ЛТХ и лесопунктами – учет средств, предназначенных на строительство и хозустройство, не налажен, средства расходуются не по назначению [39]. В ноябре 1933 г. на 5415 семей (около 25 тыс. чел.) спецпереселенцев было построено 545 домов, т.е. один дом (барак) на 10 семей. При этом в течение года был построен только один дом, как следует из данных табл. 2.

В 1933 г. в каждом спецпоселке функционировало культурно-просветительское учреждение в отдельном здании или специально приспособленном помещении. Клубы были одними из первых официальных зданий в спецпоселках, потому что там проходили все собрания и вечера. Здесь же праздновались официальные праздники. К 1933 г., как видно из данных табл. 3, было организовано 10 клубов, а также 11 изб-читален и 16 красных уголков [41].

Школы и дошкольные учреждения в Коми крае начали строиться одновременно со строительством жилья в поселках. К июлю 1932 г. сдано в эксплуатацию 13 школьных зданий, остальные школы были организованы в приспособленных помещениях [42]. Школы работали с первого года организации спецпоселков. К 1935 г. число школ, как видно по данным табл. 4, сократилось до 38, так как часть поселков была ликвидирована.

В период 1931–1933 гг. численность спецпереселенцев сократилась более чем в два раза, прежде всего ввиду высокого уровня смертности. В Коми области в 1931 г. численность спецпереселенцев составила 40 325 чел. [44]. В 1932 г. спецпереселенцев насчитывалось в январе – 39 184, а в мае – 38 103 чел. [7, с. 252], к 1933 г. их

Таблица 2

Строительство в спецпоселках Коми автономной области в 1933 году

Table 2

Construction in special settlements of the Komi Autonomous Region in 1933

№	Леспромхоз	Число семей	Запланировано домов	Построено домов на 1.01.33	Строится домов	Построено домов на 1.12.33	Комнат на 1.12.33
1	Усть-Куломский	1427	150	161	-	161	1459
2	Сторожевский	419	67	54	-	51	402
3	Сыктывдинский	300	38	35	3	36	340
4	Сысольский	1009	128	121	17	121	1159
5	Усть-Вымский	1249	128	121	7	121	1543
6	Троицко-Печорский	680	46	37	9	37	506
7	Кожвинский	338	21	20	1	20	310
	Всего	5415	578	545	37	546	

Источник: [40].

Sources: [40].

Таблица 3

Учреждения культуры в спецпоселках в 1933 году

Table 3

Cultural institutions in special settlements in 1933

№	Район	Клубы	Избы-читальни
1	Сысольский	2	7
2	Троицко-Печорский	1	3
3	Прилузский	2	3
4	Сыктывдинский	-	4
5	Сторожевский	-	1
6	Усть-Вымский	2	4
7	Усть-Куломский	1	5
8	Усть-Усинский	1	-
9	Усть-Цилемский	1	-
	Всего	10	27

Источник: [41].

Sources: [41].

Школьная сеть в спецпоселках Коми АССР в 1935/36 учебном году

School network in special settlements of the Komi ASSR in the 1935-1936 academic year

№	Район	Начальные школы	Ученики, чел.	Неполные средние школы	Ученики, чел.	Всего
1	Сыктывдинский	6	457	1	248	705
2	Сысольский	2	481	2	244	725
3	Прилузский	4	227	1	91	318
4	Сторожевский	3	85	-	-	85
5	Усть-Вымский	5	543	1	127	670
6	Усть-Куломский	7	431	1	158	589
7	Усть-Усинский	1	68	-	-	68
8	Троицко-Печорский	2	448	2	277	725
	Всего	30	2740	8	1171	3911

Источник: [43].
Sources: [43].

численность сократилась до 24 932 чел. [там же, с. 217]. В 1934 г. спецпереселенцев было 17 859 чел. [45], а к концу 1935 г. – 16 954 чел. [46]. Во второй половине 1930-х гг. число раскулаченных на спецпоселениях в республике остается стабильным – около 17 тыс. чел. В частности, на 1 октября 1938 г. было учтено 17 955 чел., с учетом проживающих в сп. Новый Бор – около 20 тыс. чел. [47].

В Коми автономной области в 1932 г. проживало 38 тыс. спецпереселенцев, размещенных в девяти районах области. Наибольшее число спецпереселенцев на 1 января

1932 г., как видно по данным из табл. 5, было размещено в Усть-Куломском районе – 8235 чел., где функционировали 10 спецпоселков.

С 1933 по 1935 г. по причине неблагоприятного размещения были ликвидированы поселки Лемью, Видзью-Яр, Крутобор, Чудью, Одь, население которых переведено в ближайшие спец(труд)-поселки. При ликвидации трудпоселков Певк и Вуктыль для проживавших в них трудпереселенцев был организован новый тп. Теплогорка на р. Локчим. Трудпоселок Вожаель в 1938-1939 гг. – передан Усть-Вымлагу.

Ориентация поселков по профилю на сельскохозяйственные и лесозаготовительные в середине 1930-х гг. была отменена. Наркомлесом СССР 26 мая 1936 г.

было принято постановление, по которому трудоспособный контингент был прикреплен в течение года исключительно на производственные лесозаготовительные работы. Сельское хозяйство в виде сельхозартелей в каждом трудпоселке стало носить подсобный характер, с использованием только «неполноценной рабочей силы», которая не может быть применена на работе в лесу [51]. Но тп. Новый Бор имел постоянный сельскохозяйственный профиль, в северных условиях были созданы большой колхоз и крупный маслозавод. Организовывал поселок «Мясолтрест», в 1933 г. его передали Ухтпечлагу, в 1938 г. трудпоселок был передан Воркутлагу и стал сельхозотделением Воркутстроя НКВД.

Созданная в 1930-е гг. сеть специальных поселений имела размещение по дисперсному типу расселения, при котором отдельные, небольшие населенные пункты практически не взаимодействуют, находясь на значительном расстоянии друг от друга. Поселки создавались как изолированные от местного населения и административных центров поселения, что привело к проблемам с их снабжением и созданием инфраструктуры. Основным фактором расположения была близость к лесоучасткам, пригодным для лесозаготовки. При этом в спец(труд)поселках строились жилые помещения, были организованы учреждения образования, медицинские и культурно-просветительские и социальные учреждения, к которым относятся школы, детские сады, клубы, избы-читальни, больницы и медпункты, столовые, бани, детские и инвалидные дома. В конце 1930-х гг. на территории Республики Коми существовало 36 трудпоселков, в которых проживало около 20 тыс. трудпереселенцев. В 1940-е гг. система спецпоселений значительно расширилась и легла в основу системы рабочих поселков лесозаготовителей, окончательно оформившейся в 1950-е гг.

Спецпоселки в Коми автономной области в 1932-1933 годах

Special settlements in the Komi Autonomous Region in 1932-1933

№	Район/спецпоселок	Год организации	Сельсовет, в который входит спецпоселок	Человек в 1932 г.	Человек в 1933 г.
1	2	3	4	5	6
1	Вежаю	1930	Помоздинский	631	529
2	Окос	1930	Вочевский	619	481
3	Лопью-вад	1930	Мыелдинский	1070	532
4	Крутобор	1930	Усть-Куломский	640	342
5	Ындын	1930	Усть-Немский	699	556
6	Чуд	1931	Пожегодский	706	160
7	Пивью	1931	Усть-Куломский	679	295
8	Зинстан	1931	Керчемский	1006	656
9	Тимшер	1931	Пожегодский	938	512
10	Лесной Чер	1931	Помоздинский	1247	449
Усть-Куломский район				8235	4512
11	Ворью	1930	Ибский	561	626
12	Расью	1930	Маджский	679	570
13	Емельстан	1930	Мординский	318	298
14	Вуктыль	1931	Лопыдинский	821	575
15	Сапыч	1931	Мординский	785	446
16	Соль	1931	Лопыдинский	500	246
17	Веж(а)	1931	Лопыдинский	667	409
18	Певк	1931	Мординский	704	437
Сыктывдинский район				5075	3430

1	2	3	4	5	6
19	Одью	1930	Нившерский	367	191
20	Боровой	1930	Нившерский	797	404
21	Лопью	1931	Нившерский	785	146
22	Шудог	1931	Небдинский	502	232
23	Лева-Керос	1931	Нившерский	448	134
Сторожевский район				3318	1107
24	Мещура	1930	Веслянский	807	544
25	Усть-Коин	1930	Веслянский	1175	628
26	Ветью	1930	Турьинский	1480	1132
27	Вожаель	1931	Княжпогостский	1640	716
28	Божьюдор	1931	Веслянский	1262	739
29	Вильордым	1931	Княжпогостский	451	390
30	Лемью	1931	Княжпогостский	419	Ликвид.
Усть-Вымский район				6815	4149
31	Ниагор	1930	Пыелдино	1612	1453
32	Вок-вад	1930	Гривенский	1794	1647
33	Яр (Видзув-Яр)	1930	Ужгинский	714	615
34	Рабог	1931	Ужгинский	946	612
35	Воктыл(а)	1931	Гривенский	495	346
Сысольский район				5561	4673
36	Вельдорью	1930	Ношульский	451	430
37	Усть-вель	1930	Ношульский	767	638
38	Сор-ель	1930	Ношульский	469	454
39	Немецкий	1930	Ношульский	625	622
40	Чесь-ель	1930	Ловлинский	531	437
Прилузский район				2843	2581
41	Сойю	1931	Савиноборский	726	579
42	Ичет-Ди	1931	Савиноборский	1682	1104
43	Горт-ель	1931	Щугорский	927	643
44	Пиня-из	1931	Щугорский	1124	Нет св.
Троицко-Печорский р-н				4459	2326
45	Песчанка	1931	Кожвинский	1358	857
46	Новый Бор	1931	Усть-Цилемский	1580	Нет св.
				39 184	23 635

Составлено по: [48-50].
Compiled from: [48-50].

Источники и литература

1. Мазур, Л. Н. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке. Опыт динамического анализа / Л. Н. Мазур, Л. И. Бродская. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2006. – 564 с.
2. Зыкин, И. В. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в 1929 г. – первой половине 1941 г. / И. В. Зыкин – Москва : Новый Хронограф, 2022. – 432 с.
3. Зеленин, И. Е. Ликвидация кулачества как класса / И. Е. Зеленин // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 31.
4. Ивницкий, Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н. А. Ивницкий. – Москва : Магистр, 1996. – С. 231.
5. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 3125. Л. 4.
6. НА РК. Ф.Р.-701. Оп. 1. Д. 36. Л. 13.

7. Спецпоселки в Коми Области : сборник документов / сост. : Г. Ф. Доброноженко, Л. С. Шабалова. – Сыктывкар : СГУ, 1997. – С. 225.
8. Бугай, Н. Ф. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы) / Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Москва : ИНСАН, 1998. – С. 114.
9. Ичет-ди. Воспоминания // Общее дело. – 1997. – № 2. – С. 19–26.
10. Плюснина, Л. В. Спецпоселение Новый Бор (совхоз № 77) на Печоре / Л. В. Плюснина // Общее дело. – 1997. – № 2. – С. 88, 89.
11. Земсков, В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания / В. Н. Земсков. – Москва : Алгоритм, 2014. – С. 11.
12. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 8.
13. ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941 гг. : сборник документов и материалов / сост.: А. Ю. Жуков [и др.]; науч. ред. В. Г. Макуров; Карел. науч. центр. Ин-т языка, лит. и истории, Центр. гос. арх. Респ. Карелия. – Петрозаводск : КНЦ РАН, 1992. – С. 93.
14. НА РК. Ф.Р.-1. Оп. 2. Д. 808. Л. 66.
15. Там же. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 808. Л. 42.
16. Там же. Л. 114.
17. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 36.
18. Там же. 1592. Л. 21.
19. Там же. Д. 1576, 1579, 1586, 1589, 1612, 1619, 1628, 1911, .
20. Там же. Д. 1592. Л. 44.
21. Там же. Д. 1586. Л. 10.
22. Там же. Д. 1586. Л. 42.
23. Там же. Д. 1662. Л. 118.
24. Там же. Д. 1573. Л. 10.
25. Там же. Д. 1662. Л. 113.
26. Там же. Л. 111.
27. Там же. Д. 1573. Л. 65–74.
28. Там же. Д. 1663, 1664, 1672, 1673, 1674, 1675, 1679, 1680, 1682, 1683.
29. Там же. Д. 1663, 1664, 1673.
30. Там же. Д. 1662, Л. 120.
31. Там же. Д. 1663, 1672, 1673, 1674.
32. НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2386. Л. 14, 25.
33. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1573. Л. 31, 104.
34. НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 137. Л. 1.
35. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1681. Л. 9.
36. НА РК. Ф.Р.-398. Оп. 1. Д. 971. Л. 132.
37. НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2422. Л. 9.
38. Там же. Д. 2371. Л. 45.
39. НА РК. Ф.Р.-374. Оп. 1. Д. 2.
40. НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2419. Л. 76
41. НА РК. Ф.Р.-148. Оп. 1. Д. 690. Л. 36.
42. НА РК. Ф.Р.-18. Оп. 3. Д. 344 «а». Л. 2.
43. НА РК. Ф.Р.-148. Оп. 1. Д. 1019. Л. 55.
44. Там же. Д. 576. Л. 121.
45. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 3192. Л. 15.
46. НА РК. Ф.Р.-136. Оп. 1. Д. 389. Л. 72.
47. НА РК. Ф.Р.-148. Оп. 1. Д. 638. Л. 83.

48. НА РК Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2375. Л. 163.
49. НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 137. Л. 24.
50. НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 461. Л. 37.
51. НА РК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 3371. Л. 29.

Referenses

1. Mazur, L. N. Evolyuciya sel'skikh poselenij Srednego Urala v XX veke. Opyt dinamicheskogo analiza [Evolution of rural settlements of the Middle Urals in the XX century. Dynamic analysis experience] / L. N. Mazur, L. I. Brodskaya. – Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2006. — 564 p.
2. Zykin, I. V. Sociokul'turnyj oblik rabotnikov lesopromyshlennogo kompleksa Sovetskogo Soyuza v 1929 g. – pervoj polovine 1941 g. [The sociocultural appearance of workers in the timber industry of the Soviet Union in 1929 – first half of 1941] / I. V. Zykin. – Moscow: Novyj Hronograf [New Chronograph], 2022. – 432 p.
3. Zelenin, I. E. Likvidaciya kulachestva kak klassa [Elimination of the kulaks as a class] / I. E. Zelenin // Istoriya SSSR [History of the USSR]. – 1990. – № 6. – P. 31.
4. Ivnitky, N.A. Kollektivizaciya i raskulachivanie (nachalo 30-h godov) [Collectivization and dispossession (early 1930s)] / N.A. Ivnitky. – Moscow: Magistr, 1996. – P. 231.
5. Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi [National Archives of the Komi Republic]. F.R.-144. Op. 1. D. 3125. L. 4
6. Ibid. F.R.- 701. Op. 1. D. 36. L. 13.
7. Specposelki v Komi Oblasti. Sbornik dokumentov [Special settlements in the Komi Region. Collection of documents]. – Syktyvkar: Syktyvkar State Univ., 1997. – P. 225.
8. Bugai, N. F. Kavkaz: narody v eshelonah (20–60-e gody) [Caucasus: peoples in echelons (1920–1960s)] / N. F. Bugai, A.M. Gonov. – Moscow: INSAN, 1998. – P. 114.
9. Ichet-di. Vospominaniya [Ichet-di. Memories] // Zhurnal «Obshchee delo» [“Common Cause” Magazine]. – 1997. – № 2. – P. 19–26.
10. Plyusnina, L. V. Specposelenie Novyj Bor (sovhoz № 77) na Pechore [Special settlement Novyj Bor (state farm No. 77) on Pechora] / L. V. Plyusnina // Zhurnal «Obshchee delo» [“Common Cause” Magazine]. – 1997. – № 2. – P. 88–89.
11. Zemskov, V.N. Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya [Stalin and the people. Why there was no uprising?] / V. N. Zemskov. – Moscow: Algoritm, 2014. – P. 11
12. National Archives of the Komi Republic. F.R.-144. Op. 1. D. 1575. L. 8.
13. GULAG v Karelii. 1930–1941 gg. Sbornik dokumentov i materialov [GULAG in Karelia. 1930–1941. Collection of documents and materials] / Petrozavodsk: Karelian Sci. Centre, RAS, 1992. – P. 93.
14. Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi [National Archives of the Komi Republic]. F.R.-1. Op. 2. D. 808. L. 66.
15. Ibid. F.P.- 1. Op. 1. D. 808. L. 42.
16. Ibid. F.P.- 1. Op. 1. D. 808. L. 114.
17. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1575. L. 36.
18. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1592. L. 21.
19. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1576, 1579, 1586, 1589, 1911, 1612, 1619, 1628.
20. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1592. L. 44.
21. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1586. L. 10.
22. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1586. L. 42.
23. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1662. L. 118.
24. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1573. L. 10.
25. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1662. L. 113.
26. Ibid. F.R.- 144. Op.1. D. 1662. L. 111.
27. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1573. L. 65–74.
28. Ibid. F. 144. Op.1. D.1664, D. 1672, D. 1675, D. 1674, D. 1673, D. 1663, D. 1682, D. 1680, D. 1679, D. 1683.
29. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1664; D. 1663, D. 1673.
30. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1662. L. 120.
31. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1663, D. 1673, D. 1674, D. 1672.
32. Ibid. F. R.-3. Op. 1. D. 2386. L. 14, 25.
33. Ibid. F.R.-144. Op.1. D. 1573. L. 31, 104.
34. Ibid. F.P.-1. Op. 3. D. 137. L. 1.
35. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 1681. L. 9.
36. Ibid. F. R.-398. Op. 1. D. 971. L. 132.
37. Ibid. F.R.-3. Op. 1. D. 2422. L. 9.
38. Ibid. F.R.-3. Op. 1. D. 2371. L. 45.
39. Ibid. F. R.-374. Op. 1. D. 2.
40. Ibid. F.R.-3. Op. 1. D. 2419. L. 76.
41. Ibid. F.R.-148. Op. 1. D. 690. L. 36.
42. Ibid. F.R.-18. Op. 3. D. 344 “a”. L. 2.
43. Ibid. F.-148. Op. 1. D. 1019. L. 55.
44. Ibid. F.R.-148. Op. 1. D. 576. L. 121.
45. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 3192. L. 15.
46. Ibid. F.R.-136. Op. 1. D. 389. L. 72.
47. Ibid. F.R.-148. Op. 1. D. 638. L. 83.
48. Ibid. F. 3. Op. 1. D. 2375. L. 163.
49. Ibid. F.P.- 1. Op. 3. D. 137. L. 24.
50. Ibid. F.P.- 1. Op. 3. D. 461. L. 37.
51. Ibid. F.R.-144. Op. 1. D. 3371. L. 29.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики на Европейском Северо-Востоке России» (номер государственного учета 122040800166-0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic “Transformations of society, government and economy in European North-East of Russia” (state registration No. 122040800166-0).

Информация об авторе:

Игнатова Надежда Максимовна – ведущий научный сотрудник, заведующий сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-1075-9382 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ignatova11@rambler.ru).

Author:

Nadezhda M. Ignatova – Leading Researcher, Head of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: ignatova11@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-1075-9382).

Для цитирования:

Игнатова, Н. М. Спец(труд)поселки как населенные пункты в 1930-е годы (на материалах Республики Коми) / Н. М. Игнатова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 7 (65). – С. 52–60.

For citation:

Ignatova, N. M. Special (labor) settlements as populated areas in the 1930s (based on materials of the Komi Republic) / N. M. Ignatova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical demography”. – 2023.– No. 7(65).– P. 52–60

Дата поступления статьи: 27.09.2023

Прошла рецензирование: 02.10.2023

Принято решение о публикации: 05.10.2023

Received: 27.09.2023

Reviewed: 02.10.2023

Accepted: 05.10.2023